

Шухов – правнук Шухова

СОБЕСЕДНИК

150-летию замечательного русского инженера Владимира Григорьевича Шухова было отмечено в Ярославле не лучшим образом. Через несколько месяцев после этого на вагоноремонтном заводе была снесена последняя из шести старинных водонапорных башен, существовавших в городе. Башни Шухова – под этим именем подобные сооружения вошли в историю науки и техники. Сегодня исполняется 151 год со дня рождения «первого инженера России», как его называли. В Угличе мы встретились с его правнуком, москвичом Владимиром Федоровичем Шуховым.

Но сначала небольшая справка.

Многие творения В. Г. Шухова, к счастью, живы: радиотелевизионная башня на Шаболовке, ажурное перекрытие перрона Киевского вокзала, металло-стеклянные перекрытия ГУМа, гостиницы «Метрополь» и главпочтамта в Москве, железнодорожные мосты в разных городах России. Современники говорили, что строительные сооружения Шухова легко несли свой вес, как бы не замечая его тяжести. И перечисленное – только часть его наследия.

Надо признать, имя В. Г. Шухова в последние десятилетия вспоминалось не часто и по-настоящему возвращается к нам только сейчас. Группа ученых, в числе которых лауреаты Нобелевской премии Ж. Алферов и В. Гинзбург, доктор физико-математических наук С. Капица, опубликовали в июне этого года обращение к руководителям предприятий, организаций и компаний – поддержать идею установки памятника В. Г. Шухову в Москве. Создан некоммерческий фонд развития науки, культуры и искусства «Шуховская башня».

Обо всем этом и прежде всего о самом инженере Шухове наш разговор с Шуховым-младшим.

– Может быть, начнем с того, Владимир Федорович, как сохраняется память в семье о вашем знаменитом прадеде. Остались ли какие-то личные вещи, рукописи?

– К сожалению, в связи с известными всем событиями – революцией, войной – осталось не так много. Из поколения в поколение передавались в основном книги. Есть какие-то записные книжки, дневники, рукописи. И самая интересная вещь – фотоархив.

Прадед очень увлекался фотографией, понимая, что, во-первых, это способ запечатлеть историю, и во-вторых, зафиксировать собственные работы. Есть, например, фотографии строительства Киевского (бывшего Брянского) вокзала в Москве, той самой башни на Шаболовке,

памятника Гоголю на Пречистенском бульваре. Есть очень интересные бытовые фотозарисовки: дворник московский; потрясающие снимки, сделанные в Кремле. Все это фотографии не в привычном нам виде, а на стекле. Сохранился даже специальный аппарат (как он дошел до наше-

Москвы по велогонкам. Очень любил шахматы, рассказывали, что играл с самим Чигориним. В совершенстве владел многими иностранными языками. Любил слесарничать и столярничать – некоторые опытные образцы его конструкций выполнялись собственными руками. Им была построена крутящаяся сцена МХАТа, он был знаком со многими великими артистами. Кстати, в молодые годы пережил увлечение Ольгой Леонардовной Книппер, впоследствии Чеховой.

и скульптор, и фотохудожник, и инженер. Так кто же вы все таки?

– Было бы правильнее, наверное, проследить преемственность. У моего прадеда, Владимира Григорьевича, было пятеро детей. Если брать мою ветвь, то его сын Владимир Владимирович Шухов, мой дед, окончил Московское императорское техническое училище (надо сказать, все Шуховы, за исключением меня, после окончания высшего учебного заведения получали

Я всегда интересовался искусством, начал с каких-то прикладных вещей, потом перешел к более крупным. Это был очень сложный путь, но я его прошел, вступил в Московский союз художников – теперь у меня в Москве мастерская, яставляюсь на всероссийских и международных выставках. Не оставляя при этом свою техническую специальность. По основной работе я сейчас руководитель сервисной службы медицинского оборудования японской фирмы «Тошиба». Где-то мы ведем и научные разработки, но в основном это техническая подделка.

– Мне неудобно это говорить, но и промолчать считаю не вправе: в Ярославле в этом году снесли последнюю башню Шухова. Знаю, что и в других городах сохранилось не много его работ. Может быть, у вас есть какие-то идеи на сей счет? Вы об этом думали?

– Это серьезный вопрос. Безусловно, есть какие-то вещи, которые физически и морально устарели. Металлические конструкции имеют свой срок службы. Отслужили свое и рано или поздно становятся опасными. Если в Ярославле экспертами было установлено, что данная башня оказалась именно в таком состоянии, то, конечно, надо было принимать решение. Хотя, может быть, удалось бы что-то частично сохранить, оставить ее как бы урезанной. По сути своей она ведь уникальна.

– А в глобальном смысле вы не думали над сохранением шуховского наследия?

– Долгие мытарства, связанные с именем прадеда, сводились, как правило, к одним разговорам. Ну знаем, ну известный, ну великий – и на этом все успокаивалось. А на Западе имя Шухова всегда произносилось с трепетом. Знаете вы или нет, но, в конце концов, Владимира Григорьевича Шухова вернули российской истории, в целом России, кто бы вы думали? Немцы. В Штутгартском университете профессор Райнер Грефе изучал работы известного испанского архитектора Гауди, у него очень интересные и красивые конструкции. И наткнулся на Шухова, который пришел к почти тем же решениям на 20 – 30 лет раньше. Для Грефе это было открытие. Шок. Потрясенный, он дальше совершил, с моей точки зрения, подвиг. Собрал группу единомышленников из университета, их было четыре или пять человек, они приехали в Россию и про-

ние, восстановление и развитие наследия Владимира Григорьевича Шухова. Но не только его, в России был еще ряд совершенно гениальных инженеров, они оставили после себя великолепные мосты, в том числе через Волгу, другие оригинальные конструкции. Речь идет о защите приоритета российских научно-технических разработок, об их популяризации. О туристической деятельности, связанной с популяризацией российской науки, культуры и искусства, о продвижении имиджа России на мировой арене.

– Мы стесняемся гордиться. Это считается плохим тоном.

– Как можно терять такое, как инженерные шедевры Шухова? Пять или шесть лет назад в Париже в выставочном центре Жоржа Помпиду проходила международная выставка «Искусство инженерии». Были представлены все страны, включая Соединенные Штаты, Венесуэлу, Японию, от России был представлен один Шухов. Больше того, его башня была логотипом выставки. То есть

кину, название нам ничего не говорило, и вдруг смотрим, наш экскурсовод сходит на берег и несет перед собой торт, украшенный несколькими зелеными мышками. Вручает его на берегу какому-то человеку. Естественно, я его потом спросил, кто это. Оказывается, Гречухин, у него в тот день как раз был юбилей. Познакомились.

Сохранение творческого наследия Шухова и других русских инженеров задача для фонда огромная. Но по мере того, как я об этом думал и говорил со своими единомышленниками – художниками, технической общественностью, деятелями бизнеса, политиками, я понимал, что нужно что-то еще, что связывало бы фонд с сегодняшней действительностью. Так мы пришли к теме популяризации русской культуры в широком смысле этого слова. Есть ряд проектов. В Мышкине совместно с музейными работниками, общественностью, Владимиром Александровичем Гречухиным, новым главой администрации Анатолием Геннадьевичем Курицыным идет большая

покорены энтузиазмом рядовых жителей. Мой заместитель этим летом плыл на теплоходе с группой предпринимателей области, в их числе был и владелец ресторана в Угличе. Услышав, что шуховскую башню в Ярославле разобрали, он загорелся идеей поставить ее в Угличе и устроить наверху вместо бака с водой ресторан. На берегу Волги, представляете? Конечно, не в черте города, чтобы не портить архитектурный ансамбль, но ведь может получиться еще одно, ради чего сюда будут приезжать.

Дай бог, чтобы вслед за Угличем и Мышкином присоединилась к проекту вся Ярославская область, а дальше, может быть, все Верхнее и Среднее Поволжье.

– Вы считаете, что нужен какой-то общий объединяющий проект с такими городами-узлами? Я правильно понимаю?

– Речь идет не только о туристическом развитии. Взять частично уже реализованный нами в Мышкине проект «Святые земли русской глазами детей» – он поддержан Министерством культуры, одобрен и освящен Русской православной церковью. Его можно расширить, распространить на Углич, Рыбинск, Ярославль – весь этот край славен своей духовной историей. Российский фонд культуры готов оказать полную поддержку, чтобы проект был представлен в ЮНЕСКО или в ООН. Он может перерасти в международный, мировой проект. Эти вопросы проговорены с Никитой Сергеевичем Михалковым, нынешним президентом Российского фонда культуры, проговаривались в Правительстве РФ.

Ярославская земля замечательная. Нужно, на наш взгляд, ввести только в практику общения с ней некий сетевой момент. Кто-то едет сюда отдыхать, кто-то хочет купить здесь недвижимость, кто-то имеет бизнес-планы. И те, и другие, и третьи должны знать кроме всего, где какая старинная усадьба, какие памятники, знать, что они встретят здесь прием одинакового класса, оди-

наш разговор с Шуховым-младшим.

— Может быть, начнем с того, Владимир Федорович, как сохраняется память в семье о вашем знаменитом прадеде. Остались ли какие-то личные вещи, рукописи?

— К сожалению, в связи с известными всем событиями — революцией, войной — осталось не так много. Из поколения в поколение передавались в основном книги. Есть какие-то записные книжки, дневники, рукописи. И самая интересная вещь — фотоархив.

Прадед очень увлекался фотографией, понимая, что, во-первых, это способ запечатлеть историю, и во-вторых, зафиксировать собственные работы. Есть, например, фотографии строительства Киевского (бывшего Брянского) вокзала в Москве, той самой башни на Шаболовке, нефтеналивных барж. Роль Владимира Григорьевича Шухова в становлении нефтяной промышленности, кстати говоря, чрезвычайно важна.

Им построен первый в России нефтепровод, разработаны эффективные способы подъема нефти, крупнотоннажные нефтяные баржи. Ему принадлежит изобретение крекинг-процесса. Все эти баржи на Волге, хранилища для нефти и остальное есть на снимках. Между прочим, именно в Ярославле в 1881 году впервые были изготовлены поточным методом первые десять шуховских резервуаров — таких, в каких хранят нефть до сих пор.

— Широта интересов, честно говоря, удивительная...

— Как человек любознательный, он, кроме того, не мог пройти и мимо разных интересных событий. Запечатлел своей фотокамерой ураган в Москве, если не ошибаюсь, 1904 года. События 1905 года на Красной Пресне: люди; разрушенные, со следами пуль здания. Открытие па-

мятника Гоголю на Пречистенском бульваре. Есть очень интересные бытовые фотозарисовки: дворник московский; потрясающие снимки, сделанные в Кремле. Все это фотографии не в привычном нам виде, а на стекле. Сохранился даже специальный аппарат (как он дошел до нашего времени, непонятно), с помощью которого можно получать стереоскопические изображения. В общей сложности осталось более тысячи негативов и позитивов. Сейчас идет речь об издании альбома.

— А какой он был человек? Характер, привычки — это в семье запомнилось?

— Жива его внучка, Алла Сергеевна Шухова. Она застала его в конце жизненного пути. Люди отмечали, что он был похож на Чехова, Чайковского. Алла Сергеевна говорит, что с ними его объединяла скорее одухотворенность, благородство души, которые всегда озаряют внешний облик. Всю жизнь Владимир Григорьевич напряженно трудился, спал по четыре-пять часов в сутки.

Блестяще окончив Московское императорское техническое училище (сейчас МГТУ имени Баумана), он выбрал не науку, а практическую деятельность и оставался ей верен до конца. Всегда занимался спортом, в молодости был даже чемпионом

Женился поздно, уже в сорокалетнем возрасте.

Но основным была всегда работа.

— Он ведь долгожитель. Интенсивная работа ума, говорят, продлевает годы.

— Прадед работал буквально до последних своих дней. В 79-летнем возрасте занялся совершенно новой для себя задачей — устранением наклона минарета медресе Улугбека в Самарканде, уникального памятника архитектуры XV века, и выпрямил его.

— Родители никогда не хотели сделать из вас второго Владимира Григорьевича?

— Нет. У нас в семье этого не было. Никогда никакого давления.

— А вы чувствовали груз имени?

— Практически постоянно. Заслуженные люди, член президиума академии смотрит на тебя и говорит: «очень похож», «должен таким же стать» и тому подобное — это периодически звучало. К тому же фамилия достаточно редкая, у старшего поколения она всегда ассоциировалась с башней на Шаболовке, и следовал вопрос: «А вы не родственник?» Поэтому совсем уж ронять такое имя было как бы неудобно.

— Расскажите о себе. Насколько я знаю, вы и ювелир,

диплом с отличием) и служил по железнодорожной части. Последняя его должность до революции — начальник движения Московско-Киево-Варшавской железной дороги. После революции служил также по железнодорожному ведомству, но судьба у него печальная. Был репрессирован. Это очень большое было дело на железной дороге, по нему проходило порядка четырех тысяч человек.

Отец мой, Федор Владимирович Шухов, окончил Баумановский институт и посвятил свою жизнь моторостроению. Его последние разработки — двигатели для нашей военной авиации, МИГ-27 и МИГ-29. Он закончил свою деятельность главным конструктором большого объединения, которое занималось этой техникой.

Я тоже окончил технический институт, он шел как бы в ногу со мной временем, — Московский институт электронного машиностроения по специальности инженер-конструктор-технолог радиоаппаратуры. Но параллельно, как и всех моих предков, меня всегда тянуло куда-то еще. И дедушка, и отец, как и прадед, занимались фотографией — такая смычка техники и фотографии не миновала и меня. Они любили что-то делать своими руками — гены брали свое и в моем случае.

дились, как правило, к одним разговорам. Ну знаем, ну известный, ну великий — и на этом все успокаивалось. А на Западе имя Шухова всегда произносилось с трепетом. Знаете вы или нет, но, в конце концов, Владимира Григорьевича Шухова вернули российской истории, в целом России, кто бы вы думали? Немцы. В Штутгартском университете профессор Райнер Грефе изучал работы известного испанского архитектора Гауди, у него очень интересные и красивые конструкции. И наткнулся на Шухова, который пришел к похожим решениям на 20 — 30 лет раньше. Для Грефе это было открытие. Шок. Потрясенный, он дальше совершил, с моей точки зрения, подвиг. Собрал группу единомышленников из университета, их было четыре или пять человек, они приехали в Россию и провели тут в общей сложности два года. объездили всю нашу страну, включая Сибирь, а также Кавказ, Среднюю Азию, сфотографировали все мосты, построенные по проектам прадеда, все водонапорные башни, которые остались, вплоть до оснований срезанных. И сделали серию выставок в Германии, во Франции, других странах, а в 1990 году издали в Штутгарте книгу-каталог всех этих работ. Грефе писал, что Шухов обладал не только феноменальным пространственным воображением, но и галантом художника. Выставки и книга имели колоссальный успех. После чего, конечно, и у нас в России наконец поняли: ой, да это же все наше.

Практические шаги с нашей стороны стали теперь возможными. Так появилась мысль о создании фонда под названием «Шуховская башня», который смог бы аккумулировать средства на сохранение

настолько гениальную, легкую, простую конструкцию пока никто не превзошел.

— Иногда говорят, что Шухов — это русский Эйфель.

— Абсолютно неправильно. Эйфель сделал потрясающую конструкцию, с моей точки зрения, но она решена была традиционным путем. Шухов запатентовал конструкцию башни в форме гиперболоида вращения. Все его башни (в России их было построено около двухсот) имели разный вид, разную несущую способность. А в основе всех была одна яркая, новая идея.

— Я поняла так, что это вы возглавляете фонд «Шуховская башня»?

— Да, я его президент.

— Фонд заинтересовался Мышкином. Как вы на него вышли?

— Мы путешествовали с семьей на теплоходе. У нас была замечательная женщина-экскурсовод. Причалили к Мыш-

работа по превращению города в интересный туристический объект. Сейчас он способен удовлетворить интересы туристов на 2 — 2,5 часа. Мы занимаемся тем, чтобы создать не просто город-музей, а целую реально действующую «мышиную страну» на территории района и недалеко от города.

Кроме того, хотелось бы включить Мышкин в какой-то общий круг, и тут появляется Углич, тоже очень интересный и самобытный. Они рядом, сам бог велел объединить эти два города. Все это понимают, нужен последний шаг, и, может быть, фонд его сделает: есть планы пустить теплоход, который мог бы ходить летом по маршруту Углич — Мышкин и обратно. Очень активно относится к новым начинаниям глава Углича Элеонора Михайловна Шереметьева, я чувствую, что она готова к разным формам сотрудничества. Но мы

вопросы провозвращены с Никитой Сергеевичем Михалковым, нынешним президентом Российского фонда культуры, прогонялись в Правительстве РФ.

Ярославская земля замечательная. Нужно, на наш взгляд, ввести только в практику общения с ней некий сетевой момент. Кто-то едет сюда отдыхать, кто-то хочет купить здесь недвижимость, кто-то имеет бизнес-планы. И те, и другие, и третьи должны знать кроме всего, где какая старинная усадьба, какие памятники, знать, что они встретят здесь прием одинакового класса, одинаковый сервис — по

уровню стандартов, а не по форме, конечно. Все должно руководиться координационным советом, советом глав администраций или делегированными ими людьми. Никто ни на чьи приоритеты не посягает, тут вопрос чисто экономический. Чем больше придет сюда людей, тем больше они смогут реализовать идеи — в области производства, сельского хозяйства, культуры и т. д. Почва здесь очень благодатная, начинания замечательные, люди талантливые, умные. Нужно только консолидировать усилия.

Иначе получится, как в старину, когда князь Андрей Болотин был в Угличе как бы в ссылке, а там, в Москве, свои какие-то события происходили. Представьте, если бы обошлось без распри и русские князья двинулись тогда вместе в одном направлении, может быть, Россию ждало бы совсем другое будущее.

Татьяна ЕГОРОВА.